
ЗНАЕШЬ, ЧТО ХУЖЕ ТЮРЬМЫ?
МЕСТО, ГДЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ
САМИ ПРОСЯТ НАДЕТЬ НА НИХ
ЦЕПИ ПОТУЖЕ
РЕЙТИНГ
АЛИСА АРТЕМОВА

Алиса Артемова

Рейтинг

«Автор»
2026

Артемова А.

Рейтинг / А. Артемова — «Автор», 2026

Вера Соколова живет в мире, где человека определяет число на браслете. От него зависит, где тебе работать, жить и даже как свободно дышать. Вера верит в систему TrueYou, соблюдает правила и держится в «зеленой зоне». Ее утро идеально, улыбки выверены, оценка стабильно высока.Все рушится из-за уведомления об отце. Вера выходит в районы, которых нет на карте ее привычной жизни, встречает людей, выброшенных из рейтинга, и понимает, как легко цифра отнимает у человека имя. Один неверный шаг переводит ее в желтую зону, потом в ноль. Теперь за ней охотятся те, кому она доверяла.Чтобы добраться до правды, Вере придется выбирать между безопасностью и свободой. Впереди белые коридоры, двойная игра и час, когда загрузка замирает на 93%, а за спиной щелкает затвор.«Рейтинг» – остросюжетный роман-антиутопия о цене одобрения, о том, как охотно люди надевают цепи, если их называют заботой, и о праве быть несовершенным. Система не забывает. Система ждет.

© Артемова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1 10
Глава 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алиса Артемова
Рейтинг

Пролог.

«Знаешь, что хуже тюрьмы? Место,
где заключенные сами просят надеть
на них цепи потуже».

Красный свет не мигает. Он просто есть, густой и ровный, как будто сам воздух налили в бутылку из темного стекла. Аварийные лампы под потолком отбрасывают на бетон тени, и все они дрожат, потому что дрожу я.

Я стою на коленях. Бетон ледяной, он тянет тепло через джинсы, через кожу, прямо в кости. Колени мокрые. Ткань прилипла к ним тяжело и липко, и с каждым движением я слышу тихий влажный звук, будто кто-то неторопливо разлепляет пальцы. Я не смотрю вниз. Если я не посмотрю, то не узнаю, чем именно они мокрые.

Ты знаешь, чем.

Знаю. Заткнись.

Рядом гудит терминал, единственный живой предмет в этом подземелье. Его экран выбеливает мне левую половину лица, а правая остается в красном, и, наверное, со стороны я похожа на плохо склеенную маску. На экране ползет полоса загрузки.

93%.

Девяносто три. Всю жизнь я любила эти числа, потому что знала, что они значат. Девяносто три процента – это «отлично, но можно лучше». Это «ты почти идеальна, Вера». Это улыбка бариста, комплимент умного дома, строчка в аттестации, где вместо слов стоит цифра. Теперь девяносто три – это все, что отделяет меня от конца света. Или от начала. Я больше не могу их различить.

Дыши. Раз, два, три. Протокол при стрессе: вдох на четыре счета, выдох на шесть.

Смешно. Даже сейчас, под красной лампой, рядом с мертвым человеком, я слышу в голове мелодичный голос приложения. Он спокойно советует мне не поддаваться панике. Десять лет я делала все, что он говорил. Выходит, он действительно умеет меня успокаивать. Выходит, у меня выдрессирован даже страх.

Я перестаю считать и просто дышу. Воздух плотный, со вкусом металла на языке. Он пахнет озоном от перегретых плат, ржавой водой из труб и чем-то сладковатым, тошнотворным, густым. Кровью. Я не хочу называть это слово даже про себя, но оно уже стоит в горле комом, и я сглатываю, и оно возвращается.

Он лежит справа, у ножки стола, наполовину в красной тени, наполовину в синеватом свете экрана. Я не поворачиваю головы. Смотрю на терминал, на его бледный экран, на строчки, которые бегут слишком быстро, чтобы их прочесть. Но я чувствую его всем телом, как чувствуют раскаленную плиту, даже не касаясь.

Его рука все еще лежит в моей. Теплая. Пока еще теплая.

Пальцы у него длинные и сухие, как у человека, который слишком часто моет руки. Ногти острижены коротко и ровно, под каждым чистая светлая кромка. В линиях ладони нет ни пылинки. Это рука человека, у которого все вещи лежат на своих местах. Моя рядом с ней выглядит такой же ухоженной: ровный маникюр, гладкая кожа, ни единой мозоли. Только теперь на моих пальцах запекается чужая кровь, и она стягивает кожу, как высыхающий клей.

Я не смотрю на его лицо. Если посмотрю, это станет правдой. А пока я не смотрю, он просто потерял сознание, просто отдыхает, и через минуту кто-то из нас скажет какую-нибудь глупую шутку, и мы продолжим.

Ты видела его живот. Ты прижимала к нему куртку обеими руками, всем весом, и она промокла насквозь за полторы минуты. Куртка весила как мокрый мешок.

Нет. Я ничего не видела.

Видела. Там было мясо, Вера. Там было темное, горячее, живое мясо, и оно пульсировало под твоими ладонями. А потом перестало.

– Эй, – шепчу я экрану. Голос ломается на первом слоге. – Слышишь? Загрузка идет. Девяносто три. Ты же хотел, чтобы я дошла.

Тишина. Гудят вентиляторы серверов, где-то глубоко в стене капает вода. Больше ни звука. Он не дышит. Грудь, на которую я давила, пока не хрустнуло что-то под ребрами, больше не поднимается.

Я пыталась его спасти. Я делала все как учили на курсах «Заботливый гражданин», обязательных для рейтинга выше четырех. Две руки на грудь, тридцать нажатий, два вдоха. Я считала вслух и сбилась на семнадцатом, потому что вдруг поняла, что считаю не нажатия, а баллы. *Спасение жизни: +0.4. Оказание первой помощи в присутствии камеры: +0.1 бонусом.*

Господи, как же меня выдрессировали. Человек умирает у меня под руками, его ребра ломаются, у меня во рту его кровь, потому что я наклонилась делать вдох, а в голове у меня складываются плюсики.

Ты и сейчас проверяешь, засчиталось ли.

Это правда. Я проверила. Первым делом, еще до того, как его рука стала тяжелой, мой взгляд метнулся к запястью. Какая же я дрянь.

Его последние слова были тихими и совсем не героическими. Он лежал с открытым ртом, на губах пузырилась розовая пена. Он смотрел мимо меня, на потолок, на лампу, и говорил так, как говорят о погоде:

– Доделай. Что бы он тебе ни сказал, доделай.

– Не говори, – просила я. – Береги дыхание.

Все это время он называл меня «Вера Олеговна», с вежливой, чуть насмешливой точностью, как будто мы встретились в приемной. Даже тогда, в начале, когда мы бежали по этим коридорам, и он хватал меня за локоть, подтаскивая к лестнице. Теперь он поймал мой взгляд, и в его глазах что-то на секунду стало ясным, почти веселым.

– Вера. – Он впервые назвал меня просто по имени. – Не дай ему довести до ста. Или… наоборот. Я уже не знаю. Я сам уже не…

Он не договорил. Тело вздрогнуло один раз, коротко, как от удара током. Из горла вышел странный звук, похожий на вздох, с которым люди садятся в кресло после долгого дня. Потом рука в моей руке стала тяжелой.

Я не знаю, что он хотел сказать про сто. Не знаю, о каком «он» шла речь. Знаю только, что полоса загрузки продолжает ползти, а я сижу и держу за руку мертвеца, как будто это что-то меняет.

Странная вещь: когда близка смерть, память не показывает кино про всю жизнь. Она показывает мелочи. Нелепые, бытовые и до боли точные.

Я вспоминаю, как извинялась перед кофемашиной.

Это правда. Я стояла утром на кухне в своей светлой квартире, босая, на теплом полу с подогревом, и машина выдала мне слишком горячий напиток. Я сказала ей «простите» и улыбнулась, а умный дом ответил теплым голосом: «Вера, Вы сегодня прекрасно выглядите». Я тогда подумала: как хорошо, что меня так ценят.

Теперь я думаю: как хорошо, что я до сих пор способна чувствовать стыд за это. Меня, взрослую женщину с высшим образованием, ласкала бытовая техника, и я вставала на цыпочки от удовольствия.

Я вспоминаю отца. Его потертый свитер с заплатками на локтях. Запах турецкого кофе, который он варил каждое утро, будто совершал обряд. Лупу, вечно вставленную в глаз, пока он ковырялся в чужих часах. Он поднимал на меня красный, слезящийся от напряжения глаз и говорил: «Добровольное рабство – самое прочное, дочка. Рабу можно дать свободу, но как освободить человека, который сам кует свои цепи?» Я тогда закатила глаза. Мне было тридцать. Я зарабатывала положенные пять баллов в неделю за «семейные визиты» и считала секунды до ухода.

Я считала секунды. Рядом с человеком, который меня растил.

Я вспоминаю Ирину и ее вечные голубиные напоминания в телефоне, этих пухлых серых птиц с карикатурным взглядом, которые клевали экран: *«Не забудь улыбнуться коллеге. +0.01»*. Вспоминаю Марину с красным браслетом, которая стояла у проходной с серым лицом, и девочку, которая цеплялась за ее рукав так, будто мать уже уводили. Я прошла мимо. Я знала, что общение с красным браслетом на людях стоит минус ноль-два. Вспоминаю Киру, Виктора Зимина, старую Тамару из бухгалтерии. Каждый из них был лицом. Теперь каждый стал фишкой на доске, за которой я не видела игрока.

Я вспоминаю старушку, которая упала у меня на глазах. Серое пальто, авоська с апельсинами, одна нога подвернулась на ровном месте, и она осела на асфальт мягко, как будто кто-то тихонько подрезал ей сухожилия. Помню, как рванулась помочь. Помню, как подставила плечо, как пахло от нее нафталином и валидолом, как она вцепилась мне в руку сухими птичьими пальцами. И как зеленая вспышка на браслете («+0,05!») отозвалась в груди теплой, сладкой, почти физиологической радостью. Эта радость поднялась от живота к горлу, как поднимается желание. Я почти улыбнулась.

Меня тогда не удивило, что она упала именно там. В десяти шагах от камеры. Ровно в кадре.

Почему же меня это не удивило?

Потому что я не хотела удивляться. Удивление требует вопросов, а вопросы стоят дорого. Минус ноль-три за «необоснованное недоверие к городской среде». Я знала этот тариф наизусть.

За спиной раздается металлический звук, сухой и короткий. Я знаю его, хотя никогда не держала оружия. Знаю, как знают звук собственного имени, произнесенного в темноте.

Затвор.

Мое тело понимает раньше головы. Плечи каменеют, пальцы сжимаются на безжизненной ладони так, что чужие суставы хрустят. Желудок проваливается, во рту становится сухо, как в пустыне. Мочевой пузырь сводит болезненной судорогой, и я стискиваю бедра, потому что умереть можно по-разному, но не так. Сердце бьется так громко, что кажется, будто серверные стойки вокруг подстраиваются под его ритм.

Не оборачивайся. Пока ты не обернулась, это еще не случилось.

Холод поднимается по позвоночнику и оседает у основания черепа. Именно туда, как мне кажется, смотрит сейчас ствол. Я чувствую это место отчетливо, до миллиметра, как чувствуют занозу. Кожа там покрывается мурашками, волоски встают дыбом.

Я смотрю на экран.

93%.Цифра не меняется. Полоса замерла, словно кто-то поставил ее на паузу.

Шаги. Медленные. Неторопливые. Подошвы мягко касаются бетона, и от этой мягкости мороз ползет по спине. Так ходят люди, которым некуда торопиться, потому что все уже решено. Шаг. Пауза. Шаг. Он обходит лужу. Я слышу это по тому, как меняется звук: сухой бетон, потом тихое шлепанье, потом снова сухой.

– Я не успела, – говорю я. Мой голос кажется чужим, ломким, почти детским. Из носа течет, и я не могу вытереть, потому что обе руки заняты: одна мертвым, другая собственной коленкой. – Он умер. Я пыталась. Это… это просто случайность. Ничья вина. Просто случайность.

Что ты несешь? Ты оправдываешься. Перед человеком с оружием. Ты просишь у него оценку.

Тишина длится три удара сердца. Я считаю. Раз. Два. Три.

А потом позади меня раздается голос. Тихий, спокойный, знакомый до ужаса. Я слышала его и в пустых коридорах офиса, и по телефону, и, кажется, даже во сне. Не угроза. Не крик. Скорее сочувствие, с которым говорят с ребенком, который никак не поймет очевидного.

– Вера Олеговна, Вы действительно думаете, что это случайность?

Мир перестает качаться.

Меня накрывает странная, ледяная ясность. Все, что за последние месяцы рассыпалось на отдельные кусочки (кофе на блузке, застрявший лифт, старушка у камеры, пост отца, курьер с планшетом), вдруг складывается в рисунок. Он до тошноты ровный. Слишком ровный. Так выглядят вещи, которые кто-то долго и терпеливо расставлял.

Кофе на белой блузке за полчаса до совещания. Лифт, остановившийся между этажами ровно на девять минут. Курьер, который трижды перепутал адрес и трижды оказался у моей двери с планшетом, где надо было «подтвердить личность». Пост отца в ленте, который я увидела «случайно». Каждая мелочь стоила мне нескольких сотых балла, и каждая учила меня чему-то одному и тому же.

Меня дрессировали. Как собаку, которая сама приносит поводок.

Я знаю этот голос. Я не могу его назвать, потому что, если назову, придется признать, что я все это время знала. И не хотела знать.

Я опускаю взгляд на запястье. Не потому что хочу, просто привычка. Десять лет мои глаза сами тянутся туда, как к сердцу, которое нужно проверить.

Браслет врезался в кожу. Я не замечала раньше, но под ним наливается темная полоса: он давил всю эту ночь, пока я ползала по полу и вытаскивала чужое тело из-под обломков. Ремешок липкий, на нем отпечатались мои пальцы, бурые, четкие. Экран мигает. Тусклым, больным, желто-красным светом, и этот свет падает на мою кожу, и она кажется чужой, восковой.

На нем стоит число.

0.0

Я смотрю на него, и оно ничего не значит. Потом смысл доходит, и от этого становится холоднее, чем от ствола у затылка.

Ноль не бывает рейтингом. Ноль – это не оценка. Ноль – это когда человека стирают, когда браслет гаснет, счета замораживаются, дверь квартиры перестает узнавать лицо, имя исчезает из всех баз. Лена рассказывала: после ноля не остается даже строки в реестре. Был человек, и вот его нет, и даже тот, кто вспомнит, не найдет, о ком вспоминать. Мертвые браслеты не мигают. Мертвые браслеты молчат.

Мой мигает.

Он мигает в такт чему-то, чего я не слышу, и ровно через каждую секунду на краю дисплея вспыхивает крошечная надпись, которую я никогда раньше не видела:

«Субъект 0 – наблюдение продолжается».

Субъект. Не «Вера Олеговна». Не «уважаемый гражданин». Не «Вы». Десять лет меня называли по имени и отчеству, мягко, с легким поклоном голоса, и вот теперь я всего лишь лабораторная мышь с порядковым номером. А вокруг меня всегда был не дом и не город. Вокруг меня была клетка, просто стены в ней рисовали в теплых тонах.

Я хочу закричать. Хочу сорвать эту дрянь с руки, швырнуть об бетон, топтать, пока не останутся осколки. Содрать вместе с кожей, если понадобится. Но руки не слушаются. Одна

все еще держит ладонь человека, которого я не спасла. Вторая лежит на колене, и пальцы вцепились в мокрую ткань так сильно, что побелели.

Он сказал: «Доделай». Он умер ради этого. Или не ради этого, а просто умер, и у тебя теперь есть выбор: сделать его смерть чем-то или оставить мясом на полу.

А на экране терминала, у самой кромки красного света, полоса загрузки дрогнула и, будто решившись, пошла дальше. Девяносто четыре.

Позади меня снова щелкает затвор.

Экран гаснет. Не постепенно, а разом, будто кто-то выдернул из мира шнур. Красный свет, терминал, браслет, мертвая рука в моей руке. Остается тьма, густая, как смола, и тихий звук, который я не сразу узнаю.

Это я. Я дышу. Раз, два, три. На четыре счета вдох, на шесть выдох.

Даже здесь. Даже сейчас. Приложение научило меня хорошо.

Потом в темноте проступают белые буквы, ровные, аккуратные, без единого изъяна:

«За четыре недели до этого».

Глава 1

Самая совершенная декорация та, в
которой актеры забыли, что играют.

Рейтинг Веры: 4.2

Браслет будит меня за секунду до того, как я просыпаюсь сама.

Три восходящие ноты, «Утренняя роса». Приложение когда-то назвало эту мелодию оптимальной для мягкого пробуждения, и с тех пор я ни разу ее не меняла. На стене часы показывают 6:00:00. Я еще не открыла глаза, а губы уже растянуты в улыбке. Это привычка. Утренняя улыбка «задает тон дня», а датчик на запястье проверяет, что тон задан: линию рта, пульс, температуру кожи.

Потом я смотрю на цифру. Сначала цифра, потом лицо в зеркале, потом все остальное. Если цифра в порядке, день разрешен.

4.2.Кольцо вокруг экрана светится ровным зеленым, как спокойное море на открытке.

Шторы раздвигаются сами. За стеклом еще темно, и квартира включает «имитацию рассвета»: теплый свет поднимается от плинтуса к потолку, будто солнце встает прямо у меня в спальне.

– Доброе утро, Вера, – говорит дом. Голос у него низкий, мягкий, без возраста. – Вы проспали семь часов сорок минут. Это на двенадцать процентов лучше Вашего среднего показателя.

Нужно ответить. Молчание тоже ответ, и тоже записывается.

– Спасибо. И тебе доброго утра.

– Благодарю за вежливость.

Невежливость стоит –0.01, вежливость не стоит ничего. Эту арифметику я выучила не головой, а лопатками, они сами расправляются, когда я говорю «спасибо» пустой комнате.

Я лежу еще три секунды. В голове проносится: *вот бы сегодня никто ничего не оценивал*. Эта мысль появляется каждое утро и каждое утро исчезает раньше, чем я успеваю ее рассмотреть.

Йога занимает двадцать минут. В углу гостиной висит темное зеркало с подсветкой, и в нем рядом со мной двигается светящийся контур. Мой контур отстает от настоящей меня на полсекунды.

Вдох на четыре счета. Выдох на шесть.

– Поза «воин» сегодня стабильнее на три процента, – сообщает дом. – Прекрасная динамика.

Я не хочу, чтобы поза была стабильнее. Я хочу, чтобы колено перестало ныть. Но «колено» в приложении не отслеживается, а «стабильность» отслеживается, поэтому я улыбаюсь контуру и принимаю похвалу.

На кухне кофемашина уже готовит эспрессо. Я не просила, она знает мое утро лучше меня. Я тянусь за чашкой, задеваю носик локтем и слышу собственный голос:

– Ой, прости.

Я извиняюсь перед кофемашиной. Я делаю это не первый раз и не последний. Я всегда извиняюсь первой: перед людьми, дверьми, лифтами. Кто извинился первым, тот в безопасности. Мне кажется, я узнала это раньше, чем научилась читать.

На экране холодильника висит рекомендация завтрака:

Овсянка с черникой, 312 ккал. Пользователи с Вашим профилем, выбирающие этот вариант, и в среднем получают +0.01 к показателю «забота о себе» за неделю.

Мне хочется тост с маслом. Просто хлеб, толстый, с хрустящей коркой и растаявшим маслом, как у мамы. Я смотрю на хлебницу целую вечность, секунды три. Потом достаю овсянку, и она на вкус как теплые обои.

Пока ем, открываю дневник благодарностей. Нужно три записи. Первая легкая, я пишу ее не думая: *«Благодарна за здоровье»*. Вторая тоже: *«Благодарна за работу, которая ценит меня»*. Третья всегда дается труднее. Курсор мигает в пустой строке, а ниже приложение услужливо предлагает варианты: «за возможность расти», «за поддержку близких», «за этот день».

Над списком контактов висит серая плашка: *«Близкие. Контакт «Папа»: нет взаимодействий 731 день»*. Строка не красная, не тревожная, просто серая, как строка в налоговой квитанции. Я не открываю ее. Нажимаю «за этот день». Дневник принимает запись.

В правом углу экрана тонкая полоса: **Прогресс идеального дня: 14%.**

Кофейня на углу работает «с шести тридцати для тех, кто ценит порядок». Здесь я каждый день покупаю то, что уже выпила дома, потому что в очереди учитывается спокойное ожидание, а у стойки учитывается контакт.

Бариста Даниил (бейдж, 3.8, зеленое кольцо) поднимает на меня глаза и говорит с точностью метронома:

– Доброе утро! У Вас сегодня замечательная улыбка.

Фраза звучит так, будто он ее читает. Скорее всего, читает, внутри его очков, наверное, бежит строка подсказок. Я знаю, что ответить:

– Спасибо, Даниил. У Вас тоже.

Он улыбается. Улыбка идеальная, симметричная, до зубов. Глаза в ней не участвуют. Я смотрю на эти глаза чуть дольше, чем нужно, и вижу в них то, что вижу в зеркале по утрам: человека, который считает мышцы лица.

Браслет коротко вибрирует.

+0.01.Даниилу, наверное, тоже.

Я беру стакан, на котором напечатано мое имя и слово «стабильность», и выхожу на улицу. На столбе в двух метрах от входа мигает красная точка.

Я работаю в отделе персонала на двенадцатом этаже. Моя работа – решать, кому позволено работать. Звучит так, словно ею гордятся, и поначалу я гордилась.

Кандидатка опаздывает на две минуты. Опоздание в ее досье, вероятно, уже висит жирной строкой, но ей этого не сказали.

Девушке лет двадцать три. Серый жакет великоват в плечах, волосы стянуты так туго, что кожа у висков побелела. Она садится на край стула и кладет руки под стол. Я вижу, как они дрожат: пальцы поддергиваются, будто она печатает на невидимой клавиатуре.

На планшете у меня короткая справка:

Кира Михайлова. Стажер. Допуск в штат: от 3.5. Рейтинг кандидата: 3.4. Рекомендация системы: отклонить. Время обработки: 00:00:41.

Сорок одну секунду система думала над ее судьбой. Когда я только начинала, я тратила на каждое такое решение по полдня, а первые сто из них вспоминала еще неделями.

– Здравствуйте, Кира. Расскажите о себе.

Она рассказывает быстро, отрепетированными абзацами. Красный диплом. Волонтерство в приюте. Три языка. Стажировка в муниципалитете, где ее хвалили за «исполнительность». Каждая фраза выглажена, как рубашка перед смертью. Я слушаю, а в голове крутится одно: *сорок одна секунда*.

– Мне нужно спросить про рейтинг, – говорю я как можно мягче. – Он был выше. Что случилось?

Тишина длится дольше, чем ей позволено. Потом она поднимает на меня глаза.

– Я плакала в метро, – говорит она тихо. – Три раза за месяц. У меня бабушка… Это неважно. Система записала «публичные эпизоды негативной эмоциональности». Три эпизода – минус семь десятых.

Она произносит это ровно, слово в слово, как диагноз.

– Я знаю, что Вы должны сказать, – добавляет она. – «Спасибо, мы Вам позвоним». Я понимаю.

Я смотрю на кнопки в углу экрана: **«Отклонить»**и **«Принять»**. Вторая серая и неактивная, на ней всплывает подсказка: *«Исключение возможно по обоснованию руководителя отдела»*.

Исключение. Это слово лежит в протоколе как холодный камень.

Я знаю цену. Каждый принятый ниже допуска ложится на средний рейтинг команды, а средний рейтинг команды ложится на рейтинг руководителя. На мой. Минус одна-две сотых, не катастрофа, но сотые копятся. Я знаю людей, которые упали до желтого с четырех и шести на одних сотых.

И одновременно я вижу себя в двадцать три года, в туалете на втором этаже университета. Я стою, прижавшись лбом к кафелю, и плачу без звука, потому что за дверью кто-то слушает. Тогда камер в уборных еще не было. Мне повезло. Просто повезло.

Я хочу помочь ей. Я говорю себе это ясно и громко, как заклинание. Но под заклинанием шевелится другая мысль, и мне становится неприятно, что я ее слышу. *Ты хочешь быть той, кто разрешил.*Это тоже желание. Теплое, сладкое, как первый глоток чего-то запретного. Быть доброй.

А сколько в этом доброты, и сколько потребности чувствовать себя доброй? Я не знаю. Различить это изнутри невозможно, как отличить собственный голос в записи.

– Подождите минуту, – говорю я.

Я нажимаю «Исключение». Всплывает окно: *«Укажите обоснование (минимум 140 символов)»*. Я начинаю печатать то, что думаю на самом деле:

«Она плакала в метро, потому что ей есть кого терять. Мне кажется, такие люди нам нужны».

Система не отвечает секунду. Потом:

«Формулировка содержит эмоциональные оценки. Пожалуйста, переформулируйте».

Я смотрю на экран. Что-то холодное проходит по позвоночнику, ничего особенного, просто дыхание кондиционера. Рядом с окном всплывает рекомендованная фраза: *«Кандидат демонстрирует потенциал для коррекции показателей».*

Я принимаю ее. Нажимаю. Подтверждаю.

Браслет не реагирует. Я готова к минусу и жду его, как удара. Секунда. Две. Три. Он молчит, и в этой паузе мне кажется, что он смотрит на меня. Потом кольцо вспыхивает зеленым: **+0.02**.

Я нарушила протокол, и меня наградили. Я решаю, что это и есть справедливость.

Кира сидит неподвижно. Когда я говорю «Мы Вас берем», она не улыбается и не плачет, она просто выдыхает, будто с нее сняли мешок с камнями. Потом встает, протягивает руку, и пока я жму ее холодные пальцы, замечаю: она смотрит не мне в глаза. Она смотрит на мой браслет.

– Вы не пожалеете, – говорит она. – Я буду лучшей. Вот увидите.

Мне кажется, это обещание. Позже я решу, что это был прогноз.

В коридоре, у стеклянной стены, меня ждет Виктор Зимин.

У него 4.8, и у него нет плохой погоды на лице. Я работаю с ним семь лет и ни разу не видела, чтобы он хмурился на людях. Говорят, он и дома улыбается, потому что дома тоже есть датчики.

– Вера, – он берет меня под локоть, как берут под руку на торжественном приеме. – Мне уже сообщили о Вашем решении по стажерке.

С момента, как я нажала «подтвердить», прошло не больше пяти минут. Мысль мелькает и тут же гаснет: *быстро.* Я не успеваю ее додумать.

– Это исключение, – говорю я. – Я готова объяснить.

– Не нужно. – Он улыбается, и улыбка у него настоящая, выверенная годами. – Я хочу сказать другое. Командный дух. Вот что я ценю. Умение видеть в человеке не цифру, а потенциал. Вы пример для всего отдела.

Он говорит «командный дух» так, как говорят «аминь». Рядом проходят двое коллег и слушают, замедляя шаг. Я чувствую, как это видят и записывают: похвала при свидетелях, еще несколько сотых сверху.

– Спасибо, Виктор Андреевич.

– Только… – он слегка сжимает мой локоть и отпускает, – следите, чтобы камеры тоже видели Вас.

Он уходит. Мне кажется, что в этой фразе что-то есть, но я не успеваю понять, что именно. Я беру чашку с подоконника, чтобы чем-то занять руки, и вдруг замечаю: пальцы ледяные. Совсем. Кончики белые, как после прогулки без перчаток.

Кондиционер, думаю я. *Надо сказать, чтобы выключили.*

Я не говорю.

Домой я иду пешком, хотя приложение советует транспорт. Пешком выходит «+0.01 за активность». Я иду просто потому, что устала от закрытых дверей.

Улица в этот час золотая от низкого солнца. Площадь у остановки пахнет мокрым асфальтом и горячим хлебом из пекарни, у которой стоит очередь. Люди идут, не глядя друг на друга, но чуть-чуть кивая: «Вы», «я», «Вы». Обычный вечер.

И вдруг я слышу вскрик и звук падения.

Женщина лет семидесяти лежит на тротуаре прямо посреди площади. Серое пальто, шляпка набок, сетка с апельсинами. Они катятся в разные стороны, оранжевые, яркие, смешные. Один останавливается у моей ноги.

Вокруг уже собираются. Кто-то замедляет шаг, кто-то достает телефон. Они стоят на расстоянии вытянутой руки, как перед витриной. Я знаю, о чем они думают: *помощь без запроса может быть расценена как вмешательство. Помощь с запросом принесет плюс.* Они ждут, когда кто-нибудь решит.

Я решаю первой. Опускаюсь на колени.

– Вы меня слышите? Что болит?

Женщина смотрит на меня чистыми серыми глазами. Бровь у нее чуть подрагивает, и это единственное, что выдает боль. У нее на запястье ярко-зеленое кольцо: 4.7. Выше, чем у меня.

– Ой, деточка, – шепчет она. – Нога… Смогу ли я поднятья, ума не приложу.

Я подхватываю ее под локоть. Она тяжелее, чем кажется, и легче, чем должна быть. Пока мы с трудом поднимаемся, пальцы старушки сжимают мое запястье, и большой палец на секунду ложится прямо на мой экран, будто она проверяет пульс. Или цифру.

– Вот и умница, – говорит она. – Хорошая девочка.

Браслет вспыхивает так ярко, что на секунду слепит.

+0.05. Из толпы кто-то одобрительно хмыкает: «Молодец». Кто-то делает снимок. Я стою посреди площади, держу чужие апельсины, и мне тепло. Второй раз за день я чувствую, что делаю что-то настоящее.

Я собираю фрукты. Женщина кивает, берет сетку и уходит, прихрамывая, неожиданно быстро. Я смотрю ей вслед и не думаю ни о чем.

Потом я вспомню эту площадь. Позже, много недель спустя, я буду возвращаться к ней мысленно, раз за разом, как к месту аварии. Я вспомню столб с красной точкой, ровно

над тем местом, где она упала. Вспомню, что она упала не на бегу, не на ступеньке, не на скользком камне. Она просто опустилась на асфальт, красиво, как актриса, которая знает, где ее свет.

Но сейчас я об этом не думаю. Сейчас я счастлива.

Лифт в нашем доме умный, как и все остальное. Он приветствует меня по имени, читает цифру на запястье и мягко добавляет:

– С возвращением, Вера. Одиннадцатый этаж.

Я нажимаю кнопку. Двери почти закрылись, когда между ними просовывается детская ладонь.

В кабину входят две фигуры. Соседка, Марина, живет этажом ниже. Мы здороваемся третий год: «добрый вечер», «до свидания». Она тихая, неприметная, всегда в одном и том же пальто. За ней маленькая девочка лет шести, в розовой шапке с помпоном.

Марина протягивает руку к панели, и на ее запястье я вижу цвет.

Красный.

Раньше он был желтый. Желтый я помнила. Красный – новый.

Лифт тоже его видит. Табло над дверью меняется, и на нем появляется мелкая светло-серая строка: *«Рекомендуемая дистанция до пассажира: 1,5 м».*

Тело срабатывает раньше меня. Я не принимаю решения, я просто вижу, как моя нога делает шаг в сторону, к дальней стенке, на те самые полтора метра. Плечо прижимается к холодному зеркалу. Я стою и смотрю на свою ногу, как на чужую.

Лифт едет. Марина не поднимает глаз. Она смотрит в пол, и у нее напряжены скулы. Девочка не смотрит никуда, кроме матери. Она вцепилась обеими руками в рукав бежевого пальто, так сильно, что побелели костяшки, и держится так, будто кто-то уже начал тянуть ее за другой рукав.

– Мама, – шепчет она. – А тетя нас боится?

– Тише, Поля.

Одно «тише» я слышу ушами, второе мозгом: *не шуми, не привлекай внимание.*

Мне хочется сказать «нет». Хочется сказать: «Я не боюсь», просто сделать шаг навстречу, коснуться маленького плеча. Всего шаг. Полтора метра.

И я не двигаюсь. Потому что над лифтом тоже горит красная точка, а на моем запястье только что набежало утро, апельсины и **4.3**.

– Десятый этаж, – вежливо говорит лифт.

Марина берет девочку на руки и выходит, не оглядываясь. Двери закрываются, и я вижу в зеркале собственное лицо. Оно спокойное, симпатичное, ухоженное. Улыбающееся.

Улыбка не сошла с него даже сейчас.

Дом встречает меня светом, который включился за тридцать секунд до моего прихода.

– Добрый вечер, Вера. Сегодня Вы были великолепны.

Я стою в прихожей и слушаю это слово. Великолепны. Что именно я сделала великолепно? Взяла кандидатку ниже допуска? Отступила на полтора метра от ребенка? Подняла старуху, пока три человека держали телефоны?

– Прогресс идеального дня: сто процентов, – продолжает дом. – Отличная работа.

Я снимаю туфли. Ставлю их ровно, носками к стене, как положено. Иду на кухню, наливаю воды и открываю дневник благодарностей, чтобы закрыть вечернюю запись. Курсор мигает в пустой строке. Приложение уже предлагает три варианта.

Я не выбираю ни один. Пытаюсь написать свое, настоящее, но руки не идут. Я не знаю, за что я благодарна. Я не знаю, что я чувствую. Я знаю только, что весь день вокруг меня разворачивались сцены, а я шла сквозь них, как актриса по знакомым мизансценам, и каждый раз кто-то незримый за кулисами говорил: *«Молодец. Дальше».*

Утро, улыбка Даниила, исключение, Зимин, апельсины, лифт – все идеально подогнано, выверено по времени, как если бы кто-то репетировал этот день за меня.

Рука сама тянется к пустой строке. Я пишу одно слово: *«Ничего»*.

Дневник замирает на секунду. Потом строка меняется сама, буква за буквой, будто ее набирает чужая рука:

«Благодарна за стабильность».

Глава 2

Дружба по рейтингу похожа на вексель.
Обе стороны делают вид, что он ничего не стоит, пока не наступит срок платежа.

Рейтинг Веры: 4.3

Зеленая галочка горит в углу экрана всю ночь. Я проверяю это три раза: в два часа, в четыре и в пять сорок. Планшет лежит экраном вниз на тумбочке, но я все равно слышу, как он светится. Это не звук, а ощущение, как у холодильника, который гудит в темноте и делает вид, что просто работает.

«Благодарна за стабильность».

Я не писала этого слова. Я написала «Ничего». Я помню, как буква за буквой складывалось это «Ничего», как палец дрожал над последней «о». А потом чужая рука аккуратно стерла его и поставила свое. Я говорю себе, что это функция автокоррекции. Приложение смягчает формулировки, которые «могут негативно повлиять на эмоциональный фон пользователя». Об этом написано в соглашении, на сорок первой странице, мелким шрифтом, и я это соглашение приняла. Мы все приняли.

В шесть ноль-ноль браслет будит меня мелодичным сигналом.

Я лежу еще минуту и слушаю, как он играет. Раньше я любила эту мелодию. Она похожа на звон ложечки о стекло. Сегодня я слышу, что в ней четыре ноты и что они поднимаются вверх, как будто подталкивают: *вставай, вставай, вставай, будь лучше*.

– Доброе утро, Вера! – приветствует меня умный дом. – Сегодня Вы спали шесть часов двенадцать минут. Это на пятнадцать процентов ниже Вашей нормы. Рекомендую дыхательную практику.

– Спасибо, – говорю я. И тут же добавляю: – Извини.

Да, перед умным домом я тоже извиняюсь.

Йога. Завтрак. Дневник благодарностей, и я пишу в нем три строки, не глядя, не дыша: теплое утро, хорошая работа, здоровье близких. Приложение принимает все без правок. Видимо, теперь я пишу, как надо. Я пишу, как надо, и это пугает меня сильнее вчерашнего «Ничего».

Запись уже опубликована. Я не нажимала «поделиться», но в настройках у меня стоит «делиться достижениями с ближним кругом». Под вчерашней строкой одиннадцать сердечек. Тамара из бухгалтерии пишет: *«Какая взрослая мысль, Верочка! Стабильность – это и правда главное»*. Зимин поставил палец вверх. Мой отец не ставит ничего. Он не поставит ничего никогда, потому что его аккаунт заморожен уже полтора года, и я не помню, когда в последний раз заходила на его страницу.

Я закрываю приложение, и браслет тут же пищит: *«Вы пропустили вечерний чек-ин вчера. Хотите наверстать?»*.

Нет, не хочу. Но нажимаю «да».

К одиннадцати утра я начинаю считать. Не специально. Само.

Вот Кира. Вчера я дала ей шанс, и сегодня она написала мне трижды: благодарность, благодарность с розой и фотографию кофе с подписью «за Вас». Все три сообщения светятся зеленым, и все три принесли мне крошечные прибавки: +0.01, +0.01, +0.02. Я смотрю, как цифра на запястье шевелится: 4.2_9, 4.3_0, 4.3_2. Приятная дрожь, как от щекотки. Я ловлю себя

на том, что хочу еще. Что я перечитываю ее сообщения не для того, чтобы порадоваться за нее, а чтобы убедиться, что они все еще здесь, они все еще мои, и их не отозвали.

Вот Виктор Зимин. Он проходит мимо моего стола и говорит: «Хорошая работа вчера, Вера. Командный дух». Его слова будто вырезаны из той же бумаги, что и вчерашние. Я киваю и улыбаюсь. Улыбаюсь ровно на столько секунд, на сколько нужно. Не дольше, не короче. Эту длину я выучила наизусть, как таблицу умножения.

В обед мне приходит сообщение:

«Верочка!! Ужин сегодня, 20:00, «Сад Эмилии». Я уже заказала столик. Не принимаю отказов!! Люблю тебя Ира».

Я смотрю на два восклицательных знака. Ира никогда не ставила два. Раньше она писала: «Ну что, живая?» или просто: «Пиццу?» Раньше у нее в сообщениях были опечатки. Теперь знаки препинания безупречны, смайлик подобран по алгоритму «теплая дружба», и браслет сам подсвечивает его мягким золотистым.

Золотистое означает, что сообщение попало в «значимые связи». Мы с Ирой дружим много лет. Мы познакомились на скучной лекции по этике (смешно, да?), и обе сбежали с нее через окно в туалете. Тогда мы ржали на весь коридор, и никто не считал, сколько раз.

Я отвечаю: *«Конечно, с радостью! Люблю тебя».*

Я отправляю это, не думая. Рука знает, как.

В семь вечера я стою перед зеркалом в прихожей, и зеркало мне помогает.

– Сегодня рекомендую бордовый, – говорит оно. – Бордовый ассоциируется с уверенностью и теплом. Ваш оттенок кожи на 6% свежее.

Я надеваю бордовое платье. Оно лежало в шкафу с весны, и я не помню, зачем его купила. Помню только, что оно получило «одобрение» в приложении еще до покупки. Зеркало кивает, вернее, на стекле зажигается маленькая зеленая точка. Я поправляю волосы и вдруг понимаю, что не знаю, нравится ли мне это платье. Я смотрю на себя и пытаюсь почувствовать хоть что-то, кроме «одобрено». Но чувство не приходит. Приходит только мысль о том, что я выгляжу так, как надо.

Я беру сумку. На пороге оборачиваюсь: свет в квартире сам гаснет за моей спиной, плавно, как занавес.

Занавес. Мне не нравится, что в голову приходят такие слова.

Такси едет по привычному маршруту, но на третьем повороте почему-то сворачивает.

– Маршрут скорректирован, – сообщает водитель, точнее, женский голос из динамика. – Обнаружена повышенная плотность низкорейтинговых пользователей на улице Сталеваров. Ваш комфорт – наш приоритет.

За окном проплывают витрины, неоновые вывески, чистые бордюры, а потом, на минуту, в проеме между домами, мелькает что-то другое. Люди. Много людей на тротуаре, у остановки, у какого-то ларька. Они стоят тесно, в серых куртках, и у каждого на запястье горит красное.

Не красное даже, а такого цвета, какой бывает у воспаленной кожи. У царапины, которую не лечили. Браслет на их запястьях выглядит как рана, которая никак не заживает.

Меня передергивает.

Я знаю, как это называется. Я читала статьи, слушала лекции. Это называется *«реакция избегания, подкрепленная социальной нормой»*. Называется оно красиво и бескровно. Но внутри у меня это называется иначе: *брезгливость*. Простая, физическая, теплая, как рвота, подступающая к горлу. Мне не хочется смотреть, мне не хочется чувствовать их запах. Хотя через закрытое стекло ничем пахнуть и не может.

Я вспоминаю лифт. Марину с десятого этажа. Ее дочь в розовой шапке, вцепившуюся в материн рукав, а Марина не поднимает глаз. Вчера я хотела ей улыбнуться. Хотела. Но вместо этого отодвинулась к стенке, и дочь это заметила. Девочка смотрела на меня снизу-вверх, внимательно, без укора, с каким-то взрослым терпением, и я почувствовала себя грязной. Не

потому, что поступила плохо. А потому, что вместе с этим поступком во мне шевельнулось облегчение: *не я. Слава богу, не я.*

Я ненавижу это облегчение.

Браслет едва ощутимо вибрирует. Я смотрю вниз: *+0.01. Вы сохранили дистанцию от зоны риска*.

Я не знаю, за что меня похвалили: за то, что я не вышла из такси, или за то, что я отвернулась от окна.

«Сад Эмилии» встречает нас мягким светом и запахом теплого хлеба. Швейцар кланяется. Хостес смотрит на мой браслет, потом на мои глаза, потом на браслет снова и произносит: «Ваш столик у окна. Шеф уже знает, что Вы придете».

Шеф. Он не знает меня. Он знает мой рейтинг. Но произносится это так, будто он ждал меня всю жизнь.

Ира уже там.

Она сидит прямо, как на приеме у министра, и улыбается раньше, чем видит меня. Потом видит и встает, и мы обнимаемся. Ее духи пахнут ванилью и чем-то больничным, чем-то стерильным, что не смывается никаким ароматом. Мы обнимаем друг друга ровно три секунды. Так рекомендует приложение «Теплота», и мы обе его скачали.

– Верочка, ты потрясающе выглядишь!

– Ты тоже! Этот цвет тебе так идет.

– Нет, правда, ты просто светишься.

– Ира, это *ты*светишься.

Я смотрю на ее запястье. Она смотрит на мое. Мы делаем это одновременно и тут же отводим глаза, как после неприличного жеста. 4.9. Я вижу эту цифру краем взгляда, не поворачивая головы. 4.9. Она тоже видит мою. Мы обе улыбаемся шире.

Мы садимся. Нам приносят меню, но выбирать там нечего: приложение подсвечивает блюда, «оптимальные для Вашего рейтингового статуса». Мне лососевый тартар, Ире что-то с утиной грудкой. Через минуту официант приносит бокалы и ставит, между нами, маленькую тарелочку: три крошечные закуски на листьях.

– Комплимент от шефа, – говорит он. – Для самых ценных гостей.

Мы благодарим. Мы благодарим громко, чтобы услышали соседние столики. Ира достает телефон и фотографирует тарелочку, потом отправляет фотографию, подписав: «Лучшая подруга и вкусная еда».

Мой браслет вибрирует. *+0.02*. Ее тоже. Я вижу, как она незаметно скашивает глаза на запястье.

Мы уравновешиваем друг друга. Так происходит всегда: я хвалю ее, она хвалит меня, баланс сходится. Если один даст чуть больше, другой обязан вернуть, иначе возникнет перекос. Мы никогда не обсуждали этого. Но каждая из нас ведет счет, и каждая знает, что вторая тоже его ведет. Дружба как взаимный кредит. Как задаток, который вносят заранее, чтобы в нужный день получить что-то обратно.

Я все думаю: когда настанет этот день, придет ли кто-нибудь из нас за своим?

Ира рассказывает про клинику. Про пациента с остеосаркомой, которого она «вытащила» на этой неделе, про интервью, которое у нее взяли для журнала, про новый протокол, по которому теперь «оценивается эмпатия врача через анализ голоса во время консультации». Она смеется, рассказывая об этом.

Смех у нее хороший. Звонкий, чуть запрокинутый назад. Раньше он вырывался внезапно, как чих. Сейчас я слышу, что он включается ровно через полсекунды после нужной фразы, и что звучит одинаково, до последней ноты.

Я смеюсь в ответ. Мой тоже включается вовремя. Над нашим столом висит маленький серебристый шарик, и на нем мигает огонек: *«Эмоциональная гармония столика: 91%»*. Ресто-

ран гордится этим числом. Я знаю, что где-то в зале есть табло с рейтингом самых теплых столиков вечера, и мы на нем не последние.

– А ты как? – спрашивает Ира и наклоняется ко мне. – Расскажи, как ты. По-настоящему.

По-настоящему. Я замираю.

И тут мне хочется рассказать. Прямо здесь. Про «Ничего» и «Благодарна за стабильность». Про то, как я полночи лежала и слушала светящийся планшет. Про старушку, которая упала так вовремя, и про то, что я не уверена, что ей было больно. Про девочку в розовой шапке, которая на меня посмотрела.

Я открываю рот:

– Знаешь, вчера вечером я...

И вижу, как у Иры меняется лицо.

Совсем чуть-чуть. Нижняя губа подтягивается, взгляд на секунду уходит вправо, на ее телефон. Он лежит на скатерти экраном вверх, затемненный, и в углу дисплея горит крошечная красная точка. Запись.

– Привычка, – тут же говорит Ира. – Диктую заметки по пациентам. Забыла выключить. – И она накрывает телефон салфеткой. Нежно, как накрывают клетку с птицей.

Я понимаю, что мне не нужно продолжать. Я и не собиралась. Это был просто порыв, глупый, как желание закричать на лекции.

– Вчера вечером я так устала, – говорю я. – Но сегодня уже лучше.

– Вот и умница, – улыбается Ира и касается моей руки. – Нам всем надо беречь себя. И не говорить лишнего, да?

Она улыбается. Я улыбаюсь в ответ. Браслет показывает: *+0.01*.

Мы обе смотрим в тарелки.

Когда она достает из сумочки помаду, на скатерть вываливается маленький блистер. Серебристая фольга. Четыре пустых ячейки из десяти.

Ира подхватывает его так быстро, что я не успеваю прочитать название. Но мне оно и не нужно. Я знаю, что это. Я видела такие у себя в аптечке. Анксиолитики. «Для сохранения эмоционального равновесия». Их прописывают тем, у кого рейтинг слишком чувствителен к стрессу, но кто не может позволить себе перепады.

Рукой она задевает и сдвигает салфетку с телефона, и на секунду загорается экран. Я вижу уведомление: *«15:00 – покормить голубей. Просрочено»*.

Покормить голубей. Господи.

Я не помню, когда в последний раз видела, чтобы Ира кормила голубей. Это глупое дело, не имеющее отношения к лечению, к рейтингу и к жизни. Кто-то когда-то поставил ей эту напоминалку. Может, она сама. Может, это был пункт из какой-нибудь «программы счастья». Может, когда-то ей действительно хотелось сидеть на скамейке и кормить глупых птиц крошками, просто так, не фотографируя.

Она смахивает уведомление движением большого пальца. Быстро. Привычно. Не глядя.

– Что-то со здоровьем? – спрашиваю я как можно беззаботнее.

– Нет, что ты, – говорит Ира. – Это... от мигрени. Я тебе говорила?

Она мне не говорила. Но я киваю:

– Да, конечно. Я помню.

Мы смеемся одновременно. Шарик над столом мигает: *«Гармония: 93%»*.

Мы обе знаем, что другая все видела. И мы обе будем делать вид, что нет. Это тоже часть дружбы. Это главная ее часть: уметь не замечать.

В углу, у колонны, сидит человек.

Я не сразу его замечаю. В «Саду Эмилии» есть маленький уголок для «социальной инициативы»: два стола в самой глубине зала, где ресторан раз в неделю принимает гостей с низ-

ким рейтингом. Каждый такой ужин дает заведению бонусные баллы за «инклюзивность». Об этом пишут в брошюрах, и сами «гости» знают об этом тоже.

Он сидит один. Молодой, лет двадцати пяти, не больше. Дешевая куртка с засаленными манжетами, которую он не снял, хотя в зале тепло. Волосы слиплись. На скуле ссадина. Красный браслет на его запястье горит упрямо, ровно, будто сигнальная лампа на аварийной двери. 1.7. Я вижу это издалека, и от этой цифры у меня во рту появляется кислый привкус.

От него исходит что-то. Не запах, нет. Я бы почувствовала запах. Исходит *присутствие*. Как будто он принес с собой в зал уличную сырость и разложил ее на скатерти. Как будто воздух вокруг него стал тяжелее.

Я знаю, что так нельзя думать. Знаю. И думаю.

Он поднимает руку. Тихо, неуверенно. Мимо проходит официант, молодой, аккуратный, с идеальной осанкой. Парень в куртке говорит:

– Простите. Можно воды?

Официант не останавливается. Не ускоряется и не замедляется. Он огибает стол по дуге, как огибают столб. На его лице нет презрения. Нет вообще ничего, и это страшнее. Он просто не видит. Для него красный браслет не человек, а помеха в поле зрения, которую мозг давно научился вырезать.

– Пожалуйста... воды, – повторяет парень, чуть громче.

Никто не оборачивается. За ближайшими столиками люди продолжают резать мясо, поправлять салфетки, улыбаться. Ни один звук не меняется. Музыка играет все так же. И тут я понимаю, что и сама сижу абсолютно прямо, и что мои плечи напряжены, а глаза упираются в тартар. Я не хочу видеть его. Не потому, что мне не жаль. Мне *жаль*. Но жалость в моем теле смешана с чем-то еще, с чем-то липким и густым, что подбирается к горлу, когда я смотрю на его запястье.

Он смотрит на наш столик. Прямо на нас.

– Пожалуйста, – говорит он уже почти шепотом. – У меня... во рту пересохло. Просто воды.

Ира поворачивается к нему. На секунду. Я вижу ее лицо, и там мелькает что-то настоящее: не жалость, не страх, а *узнавание*. Как будто она увидела в нем собственное отражение. Как будто он посмотрел сквозь блистер в ее сумке и увидел все.

Она резко отворачивается. Берет бокал. Делает глоток. И говорит чуть громче, чем нужно, так, чтобы слышали за соседними столиками:

– Ну правда! Это же совсем несложно – просто быть хорошим человеком!

Она смеется.

Смех получается слишком высоким, слишком быстрым, с сухой трещинкой на конце, такой, какой не бывает у людей, которым весело. Над нашим столом серебристый шарик вздрагивает, и цифра меняется: *«Гармония: 74%»*.

Мой браслет вибрирует. Ее браслет вибрирует. Мы обе одновременно опускаем глаза на запястья, как две школьницы, которых застукали за шпаргалкой.

0.02

Мы смотрим на экраны. Потом друг на друга. И в этот самый момент я вижу то, что должна была увидеть давно: Ира боится меня. Не так, как боятся врага. Так, как боятся зеркала. Она боится, что я зафиксирую ее слабость и использую. Что я окажусь на лишние 0.01 балла выше. Что в какой-то момент мы поменяемся местами, и она останется на тротуаре, а я пройду мимо.

И я боюсь ее точно так же.

Мы улыбаемся друг другу. Улыбка выходит безупречной.

– Давай за нас, – говорит Ира и поднимает бокал.

– За нас, – отвечаю я.

Мы чокаемся. Стекло звенит чисто, как колокольчик.

Мы прощаемся у входа, в теплом свете фонарей.

– Береги себя, – говорит Ира.

– Ты тоже. Звони.

– Обязательно. Я тебя люблю.

– И я тебя.

Мы обнимаемся ровно три секунды. Я чувствую, как под ее лопаткой часто и мелко бьется сердце, быстрее, чем нужно. Ее щека касается моей. Холодная. Браслет на моем запястье коротко вспыхивает: *+0.03. Теплое прощание*.

Я иду по тротуару и не оборачиваюсь. Каблуки стучат по плитке в такт какой-то мелодии, которую я не могу вспомнить. Хорошо бы пройтись пешком. Выпустить из легких этот воздух, пропитанный чужими духами и чужим страхом. Хорошо бы...

За спиной раздается глухой звук.

Не крик. Не выстрел. Тупой, мягкий удар, как будто на асфальт уронили мешок с мукой. Я знаю этот звук. Я слышала его в детстве, когда сосед сверху упал с лестницы. После него всегда становится очень тихо.

Я оборачиваюсь.

У входа в ресторан, прямо под вывеской «Сад Эмилии», на тротуаре лежит парень в дешевой куртке. Один рукав подвернулся, и красный браслет светится на темной плитке. Его выставили. Или он вышел сам. Или просто не дошел. Я не знаю. Охранник стоит у двери, скрестив руки, и смотрит куда-то поверх голов.

Вокруг уже собирается толпа. Человек десять, пятнадцать. Они стоят полукругом, на расстоянии трех-четырех метров, и у каждого в руке телефон. Экраны светятся в темноте, как маленькие окна. Они снимают. Но не для того, чтобы помочь: чтобы зафиксировать, что они были рядом, что видели и что не касались. Это называется «свидетельство дистанции». Если кто-нибудь потом спросит, они смогут показать запись.

Парень лежит на боку. Дышит. Я вижу, как поднимается и опускается его грудь. Он открывает глаза и находит мои.

Я делаю шаг.

Один.

Браслет на моем запястье дергается, и на экране вспыхивает желтое: *«Внимание! Вы приближаетесь к субъекту с рейтингом ниже 2.0. Возможное снижение рейтинга: 0.3 или более. Продолжить?»*

Продолжить?

Господи. Оно спрашивает у меня разрешения.

Я стою. Пальцы онемели. Ноги не слушаются. Не то чтобы я решила остаться. Просто тело, умнее меня, давно все решило само. Оно знает цену. Оно считало ее каждый день, пока я улыбалась кофемашине и хвалила стажеров.

Я вижу его лицо. Бледное, с пятнами. Губы шевелятся. Он что-то говорит, но слов не слышно. Может, «воды». Может, «пожалуйста». А может, ничего.

Из толпы кто-то негромко говорит:

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.